

Уважаемый Александр Исаевич!

Это письмо не может не появиться по двум обстоятельствам и одной наисерьезной озабоченности:

— недавняя находка рукописи «Тихого Дона» положила конец обвинениям в плагиате, инициатором которых с 1974 года стали Вы;

— однако в стране и в мире продолжает оставаться Ваша обширная критическая шолоховиана.

Какой же выбор следует сделать читателям? Может быть, мое обращение поможет Вам и им.

#### ШЕСТЬ ОПРОВЕРЖЕНИЙ ОБВИНЕНИЯМ В ПЛАГИАТЕ

Ваши переиздающиеся сочинения с именем М.А. Шолохова за много лет стали фактором общественного мнения. Они используются с одной целью — сбросить классика с корабля современности.

Их принимают на веру, ибо помнят Ваше авторитетное правдоискательство. К тому же стиль таков, что не оставляет сомнений. Он передает неподготовленному читателю Ваши предположения как данную раз и навсегда, без всяких полутонов, единственную истину. Это, как понимаю, оттого, что и изложены они не в спорах, не со всеми «за» и «против», и не сопоставлены с другими мнениями и с подлинными фактами.

Начну свое Письмо с разбора Вашего Предисловия к книге И.Медведевой «Стремя Тихого Дона». Загадки романа (1-е издание под псевдонимом «Д»). Все здесь подчинено утверждению, что Шолохов — литвор и все-де в его биографии и творчестве доказывает это.

Но доказательны ли Вы со всеми своими пунктами доказательств? Предлагаю перечитать, но с пояснениями-комментариями (увы, по возможностям Письма наикраткими).

1. «Не хранятся ни в одном архиве, никому не предъявлены черновики рукописи романа...»

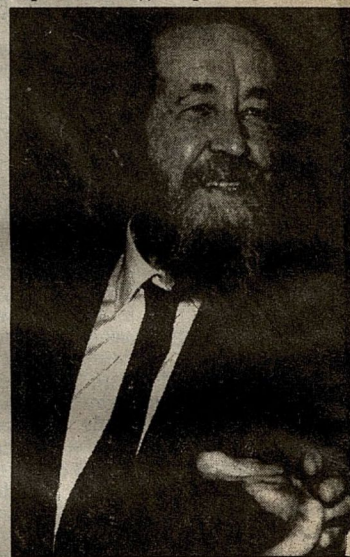
Этот довод несостоятелен не только по факту находки рукописи 1-х книг романа в 1999 году. Те, кто помогал переиздавать Предисловие, зачем-то скрыли от Вас, что 259(!) страниц автографов других томов с давних лет хранятся в Институте Русской литературы РАН (даже изданы: «Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов...», «Наука», СПб., 1995).

2. Еще от Вас будто бы доказательства, что не мог Шолохов быть автором: «Перед читающей публикой проступил случай небывавший в мировой литературе. Двадцатитрехлетний дебютант

создал произведение, далеко превосходящее его жизненный опыт и его уровень образования. На самом деле:

— не был новичком-дебютантом. Уже были книги рассказов и приступил к роману «Донщина». И уже они начинали наживать драгоценные крупинки тонкого познания драматических событий.

— Возраст... Ошибка в подсчете: роман завершен в 35 лет от роду, т.е. писался 14 лет. Добавлю: история хранит множество блистательных примеров взлета совершенного (!) творчества в юные



Александр Солженицын.  
Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

годы — Шиллер, Байрон, Лермонтов, Диккенс, Толстой...

— Образование... Но ведь были классы в городской гимназии, московской тоже, и учеба в литобединении, во главе которого тот, кто удостоен от Толстого высокой оценки, — Серафимович. И самообразование. Вот эхо 1933 года: «На лаврах пока не почил. Учусь помалу, крепко интересуюсь философией...» Вот свидетельство Вашей, Александр Исаевич, соратницы О.Карлайл: «Из разговора Шолохова стало ясно, как он начитан, особенно в области русской литературы». Кстати, высшего образования не имели те же Диккенс и Толстой, а Горький и школы не кончал.

3. Новый аргумент, что не ему принадлежит роман: «С живостью и знанием описал мировую войну, на которой не бывал по своему десятилетнему возрасту, и гражданскую войну, оконченную, когда ему исполнилось 14 лет».

Но разве сами Вы, автор сочинений о 1-й мировой и о революции, не повторили возрастное творческий опыт Шолохова? А

опыт «Капитанской дочки» или «Войны и мира», к примеру?!

4. «Последующей 45-летней жизнью никогда не были подтверждены и повторены ни эта высота, ни этот темп».

— Высота... Какая кому видится. Ромен Роллан, к примеру, вознес «Поднятую целину». Вл. Максимов тоже высоко оценил — написал в эмиграции: «Дай-то Бог большинству нынешних знатоков советской деревни такого знания предмета и такого уровня письма». (В моей книге «Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд» со-

запретить переиздание и начинать переделку.

— Не остановился Сталин. Через три года, в 1932-м, велел не признавать любимого у Шолохова и у читателей героя правдоискателем: «Мелехова нельзя считать типичным представителем крестьянства...» Вот откуда пошло: «отщепенец». Сколько же десятилетий извращали роман?! 1948-й — еще «забота» Сталина: не назвал Шолохова в числе лучших писателей, отвечая на вопрос одного из видных деятелей зарубежного комдвижения. И тут же в школьном учебнике появилась

Открытое письмо Александру Солженицыну с 25 уточнениями, дополнениями и опровержениями

Независимая  
газета. - 2000. -  
15 янв. - с. 9, 10

# ЭМОЦИИ ИЛИ ФАКТЫ

Многодесятилетнее ниспровержение  
Михаила Шолохова — есть ли основания?

временному, без былых партпроповских шор, прочтению «Целины» отдана глава «Роман вчера — роман сегодня». Книгу передал Вам через секретаря. Или «Судьба человека». Среди тех, кто восторгался, — Хемингуэй.

Напомню и такое: Толстой, к примеру, тоже многокнижник одного романа не повторил. Другим возражениям быть в предзаключительном разделе.

5. Саркастично Вы нашли-определили место «плагиатору» в обществе: «Сам непревзойденный Сталин назвал Шолохова «знаменитым писателем нашего времени». Не поспоришь...» Однако взаимоотношения вождя и творца никак не могут быть писаны одной краской. И дело не только в том, что, вопреки Вашему предположению, не только оспаривали, но ведь были на уничтожение Шолохова (см. главку «И еще пять возражений...»).

— Те, кто изыскал для Вас цитату, скрыли ее отнюдь не восхваляющее продолжение — слова вождя-диктатора: «Тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок...» Не зря сразу же последовала команда —

критика «Тихого Дона» за «бледные» образы коммунистов и не был упомянут факт присуждения Сталинской премии. Те же оценки «бледности», но уже по всем трем романам, были вписаны в Записку для секретариата ЦК опять же при жизни Сталина (1950).

6. В заключение расскажу читателям Вашего Предисловия к книжке И.Медведевой кое-что о том, что Вам, как догадываюсь, не удалось узнать.

Несостоятелен сам по себе этот труд, которому Вы определили стать и началом, и продолжением кампании антишолоховщины, ибо пошли переиздания. А как активно он пропагандировался на ТВ и в прессе.

О несостоятельности я не в унижение сказал — скончался автор и книгу не закончил. Затеваля, как сама напечатала, три главы. Но и 1-я не завершена, и у 2-й один раздел вместо трех заявленных, а последней вовсе нет. Да и поразительно мало использовала литературы — из шолоховедения одна(!) лишь книга. Есть и переделки шолоховских текстов. Явно сказывалось, что автор совсем

не шолоховед, а занималась дореволюционным временем (в моей книге подробно об этом).

Скрыли от Вас, а Вы, следовательно, от своих читателей:

— то, что сразу по выходе опекаемой Вами книжки появились — и ведь от Ваших друзей! — противоположные мнения. Это Н.Струве, а сам же издал ее во Франции: «Окончательных доказательств в принципе нет...» Это высланные за границу А.Зиновьев и Вл.Максимов. У последнего такое: «Я читал книгу литературоведа «Д» и, как юрист по образованию, не могу признать, что он

присуждения Вам Ленинской премии.

Не верю. Вспомнилось присловье: «Суд не на осуд, а на рассуд». Просто у Вас не получилось рассудить все по правде, ибо не дано было хоть как-то полно познать биографию его и творческое наследие по последствиям войны и тюрьмы с каторгой, затем беспокойной жизни в борьбе с властью и недругами, и эмиграции. Тут-то вино издателей-редакторов. Не подсказывали, где слабина под Вашим пером по полному пренебрежению фактами, а то и противопоставлению им, где эмоции

мне доказал, будто это не Шолохов». М.Джилас с ними. Не приняла тему плагиата весьма самостоятельные на суждения К.Симонов, Ф.Абрамов, Юр.Бондарев и другие;

— то, что тему плагиата опровергли интересное писательское исследование романиста Ан.Калинина («Время «Тихого Дона», 1975) и убедительной методой математической статистики скандинавские филологи и электронщики («Кто написал «Тихий Дон»?», на рус. 1989). Да и моя книга «Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд» даже своим сугубо биографическим материалом, наденую, разрушает наговор (как уже писал Вам, она содержит две главки с Вашим именем: «М.Шолохов — А.Твардовский — А.Солженицын» и «Почему не убергли Солженицына?»).

...Все думаю: как получилось, что в Ваших оценках Шолохова не Шолохов.

Говорят, что Вы возненавидели собрата по перу, ревнуя к таланту и к славе его, а еще была обида, что он якобы голосовал против

взыграла и тогда придумалось то, что никак нельзя считать фактами.

СЕМЬ ДОПОЛНЕНИЙ К ВОСПОМИНАНИЯМ

Вторая часть моего Обращения призывает Вас, Александр Исаевич, перечитать шолоховские места из «Бодался теленок с дубом».

Может, не зря говорено: «Самому судить — не рассудить». Уверен, что и Вам, и читателям Ваших уже изданных сочинений, и редакторам будущих переизданий станет полезным разбор на надежность. Как же иначе, если беспокоиться о Вашем авторитете. Итак, метода прежняя: комментарий к цитатам.

1. ЗНАКОМСТВО. ДВА ОТЗВУКА. Москва, 1962, глава партии принимает деятелей культуры. Читаю в «Теленке...»: «Хрущев миновал его стороной, а мне предстояло идти прямо на Шолохова... Я — шагнул, и так состоялось рукопожатие. Ссориться на первых порах было ни к чему. Но и — тоскливо мне стало, и сказать совершенно нечего, даже любезного. — Земляки», — улыбался он под малыми усами, растерянный,

и указывая путь сближения. «— Донцы!» — подтвердил я холодно и несколько угрожающе».

Что же было на самом деле? На следующий день в Вешки ушла телеграмма: «Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, — помешали мне выразить Вам тогда мое неизменное чувство, как высоко я ценю автора бессмертного «Тихого Дона». От души хочется пожелать Вам успеш-



Михаил Шолохов.  
Фото Валерия Шустова

ного труда, а для этого прежде всего — здоровья! Ваш А. Солженицын».

2. ПОРТРЕТ. Вы его адресовали читателям вроде как бы репортажем с приема у Хрущева, но краски выдавливались из тюбиков памяти явно много позднее: «Невзрачный Шолохов... Стоял малоросток Шолохов и глупо улыбался... На возвышенной трибуне выглядел он еще ничтожнее...»

Но ведь на самом деле он иной. Вспомните фотографии с церемонии вручения Нобелевской премии — благородно величествен в своем фраке!

Хорошо, что сохранился и такой портрет — А.С. Серафимовича: «Шолохов. Невысокий, по-мальчишески тонкий, подобранный, узкий, глаза смотрели чуть усмешливо, с задорцей... Громадный выпуклый лоб... пухом вылепленный из-под далеко отодвинувшихся назад светло-курчавых, молодых, крепких волос... Резко, точно очерченные, по-азиатски удлиненные, иссиня-серые глаза смотрели прямо, чуть усмехаясь,

из-под тонко, по-девичьи приподнятых бровей... И глаза, когда говорил, и губы чуть усмехались: «Дескать, знаю, знаю, брат, вижу тебя насквозь...»

Это из молодости. В декабре 1983-го я оставил в дневнике такой по своим скромным возможностям набросок — Шолохов уже умирал: «Говорит, истерзанный раком горла, с трудом, да еще курит, почти каждое слово с хрипотой и на передыхе... Но вот прозвучало что-то с лукавинкой — глаза блеснули умом и молодостью. Напоминал он эту минуту Суворова из знаменитого довоенного фильма — маленький, сухонький, с седым завитком на огромном лбу и с живой усмешкой...»

3. «НОВЫЙ МИР». Читаю о том, как изничтожали опальный по своей независимости журнал А.Твардовского на одном из совещаний: «Деятели искусств — те, которые окружали Кочетова и Шолохова, впрочем вперемежку с партийным подсадом. Стали дружно кричать: — Позор!.. Гражданский позор!.. «Новый мир!»

Уточню: Шолохов не разделял многие позиции журнала, но не опустился до крикливо-погромного состояния. Доверимся Твардовскому — читаю в воспоминаниях его заместителя А. Кондратовича: «Говорят, что отказался подписать статью Шолохов, к которому специально ездили. Я спросил А.Т., и он подтвердил: «Да, это известно, он отказался подписать». То отзвук тому, что группа писателей готовилась писать статью против «Нового мира».

4. НАДО ЛИ ВЕРИТЬ СЛУХАМ? Читаю: «Встретились мы с Твардовским, и он мне сказал, поблескивая весело, но не без тревоги: «Есть фольклор, что Шолохов на подмосковной даче с 140 помощниками приготовил речь против Солженицына». А я еще был самоуверен, да и наивен, говорю: «Побойтесь быть смешным в исторической перспективе». Твардовский охнул: «Да кто там думает об исторической перспективе! Только о сегодняшнем дне».

Тут мне вспомнилось мудрое: «Лишние догадки не впопад живут». У Шолохова не оказалось никаких против Вас речей.

5. СУДЬБА «ТЕРКИНА». Вот как Вы изложили то, что произошло, когда Хрущев пригласил группу деятелей культуры политически оценить запретного «Теркина на том свете»: «Изворотливый Алдубей (редактор «Известий». — В.О.) первый же и напечатал, но с таким изумлением: как эту поэму к р а с и в о слушал Шолохов».

(Окончание на стр. 11)



## СЛОВА И ВЕЩИ



Михаил Шолохов получает Нобелевскую премию.

ЭМОЦИИ  
ИЛИ  
ФАКТЫ

Александр Солженицын получает Нобелевскую премию. Фото ИТАР-ТАСС

(Окончание. Начало на стр. 9)  
Все иначе описал сам Твардовский: «Вообще я чувствовал себя так, будто зря туда попал, что я там чужой человек. Видно, так же себя чувствовал и Шолохов. И несмотря на нашу недружбу в последние годы, мне там самым близким оказался он. Я не надеялся, что встречу тут одобрение у слушателей... Их гробовое молчание и безучастные, равнодушные глаза предвещали мне недоброе. Все же с первых же строк чтения я увидел, что есть тут один человек, который не равнодушен к этому. С чем-то он мог быть и не согласен, но слушал всей душой, и я увидел, что написал поэму не зря. Более того, в этом зале было никого и не было кроме нас двоих — один читает, другой слушает. Теперь я видел только Шолохова...»

6. СУДЬБА «ИВАНА ДЕНИСОВИЧА». Прочитав у Вас, как нелегко досталось Твардовскому обнародование этой Вашей повести.

Но ведь были сподвижники. Кто же не испугался ни лагерной судьбы автора, ни лагерной — красной звезды — судьбы героя повести? Это опять же Твардовский запечатлел в двух письмах К.А. Федину, главе Союза писателей:

— «Тепло или восторженно встретивших первую повесть нового писателя, называю два имени: Васильев, Константин Александрович, и М.А. Шолохова...»

— «М.А. Шолохов в свое время с большим одобрением отозвался об «Иване Денисовиче» и просил меня передать посылку автору...»

7. В СОВОКУПНОСТИ ФАКТОВ. Читаю: «Кончались следствия Синайский и Даниэль, мой архив и сердце мое терзали чекистские когти...»

— Именно в эту осень сунули Нобелевскую премию в падающие руки Шолохова. Еще: «Десятилетиями считались «антисоветскими» неувядаемые стихи Ахматовой».

Так Вы помнили и в самом деле жесткую речь Шолохова против двух диссидентов. Но одна краска еще не портит. И не зря я вписал имя великой Ахматовой. Дополнения таковы.

— Рискованно мужествен был самый репрессивный год сталинизма. Поднялся защитный опалы, а то уже брошен в застенки. Чтобы прервать опалу Анны Ахматовой, выдвинул ее первую после длительного запрета книгу на Сталинскую премию 1939 года.

Добился освобождения ее сына, Л. Гумилева, и сына А. Платонова. Защищая многих земляков в звании «враг народа», помог печататься политизмом Ольге Берггольц, Платонову, еще нескольким писателям, а актрисе Э. Цесарской, жене «врага народа», снова играть и вернуть опечатанную квартиру. Вступился за осужденного на расстрел конструктора «Катюши» И. Клейменова. Он дал интервью — во Франции — с утверждением, что «антисоветский» «Доктор Живаго» Б. Пастернака следует напечатать. Приложил руку к отмене запрета романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». И еще, еще...

— Впервые имя Шолохова в числе возможных кандидатов на Нобелевскую премию прозвучало в Швеции еще в 1946 году.

ПЯТЬ ОЦЕНОК  
ОЦЕНКАМ ТВОРЧЕСТВА

Эта часть моего Письма отдала Вашим творческим оценкам творчество Шолохова.

1. «ТИХИЙ ДОН». Читаю изложенные Вами размышления А.Т. Твардовского: «Содержание романа не противостоит социализму, а только нет той ясности, которой бы хотелось...»

Но я читал и такое у великого Поэта о великом романе — четкое: «Трагизм эпопей Шолохова противостоял идеологии культа личности».

2. «ЦЕЛИНА». Читаю изложенные Вами, Александр Исаевич, слова Хрущева о том, что сталинские отпоры не было дано по незнанию-де, и оттого-то, как Вам запомнилось, в увязке с Шолоховым: «Почему мы не пререкли культ т о г д а? Мы не знали, что берут невинных. Классовые враги еще не были физически искоренены. В «Поднятой целине» хорошо показано».

На самом деле в романе от автора ни строчки в оправдание «искоренений». Совсем не зря политредакторы затребовали ликвидировать сцены раскулачивания. И сняли горькое его название «С потопом и кровью» (автор сильно переживал).

Шолохов свое отношение к черносотенно-яко вышло уже в самом начале. В сцене, когда двадцатипятилетний Давыдов выслушивает инструкцию от местного секретаря райкома: «Езжай и на базе осторожного ущемления кулачества создавай колхоз... Действуй так осторожно...» А воспринимал: «Ты что-то мне говоришь насчет осторожности с кулаком. Как это понимать?» В ответ угрожающе: «Ленин нас учит серьезно учитывать настроения крестьянства, а ты говоришь...»

После Сталина не стерпел совета — Сталиным как козырем: «Сталин, как видно, ошибся, по-твоему, а?»

Партийцу бы поостеречься с ответом, но нет, в чем тут Сталин? Вот какова настроенность писателя. Не убоялся последствий от такого «использования» — ничуть не вступил — имени вождя. Дальше круче: «А ты предлагаешь? Административную ме-

ру, для каждого кулака без разбора...» Затем еще более отважные слова: «Тебе угодно по-своему истолковывать всякое слово вождя. Но за район отвечает бюро райкома, я персонально. Потрудитесь там, куда мы тебя посылаем, проводить нашу линию...» Давыдов продолжает «давить»: «Я буду проводить линию партии, а тебе, товарищ, рубану напрямик, по-рабочему. Твоя линия ошибочная, политически неправильная, факт!»

Как райкомовцу держаться после такого приговора — по шаблону социализма (мол, спасибо за урок от великого учителя Сталина) или по правде шолоховского пера? Заявил: «Я отвечаю за свою... А это «по-рабочему» — старо, как...» (многозначно Шолохова).

Или Шолохов поручает Разметнову в одной из сцен раскулачивания такие реплики-выстрелы: «Да разве это дело? Я что? Кат, что ли?» Слово-то какое нашло: палач!

3. «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА». Читаю в «Архипелаге ГУЛАГ»: «В нашей критике установлено писать, что Шолохов в своем бесстрашном рассказе «Судьба человека» высказал горькую правду... Мы вынуждены отозваться, что в этом вообще очень слабым рассказе, где бледны и неубедительны...» Не могу согласиться.

— Шолохов взял на себя политическую смелость написать — с любовью и ярко, с сочувствием, убедительно! — о тех, кого клеймили всего-то одним вопросом в анкете: «Были ли в плену?»

— Рассказ на тему трагических судеб пленных — первый в советской литературе. Он писался до 1936 года, до разоблачительного доклада Хрущева! Так почему автор лишен литературного и нравственного права начинать эту тему так, а не иначе? Кто же наберется права кулики Вашу повесть об Иване Денисовиче за отсутствие той политической общности, которую сможете заявить только через 11 лет в бесцензурной эмиграции («Архипелаг ГУЛАГ»)?!

— Правдиво ли описана действительность? Напомню хотя бы о последних строчках: «С тяжелой грустью смотрел я им вслед... Тяжкая запечатленная Шолоховым судьба человека — вернулся из плена и никому не нужен: ни сам, белоплаги, ни сиротка! Оба сироты...»

— Слаб ли рассказ сам по себе? Увы, Вы, писатель, не дали творческого разбора-анализа ему, а только приговор, но без следствия. Как бы то ни было, а пока никто не сдвинул Шолохова, что его рассказ не прочтут миллионы. К тому же фильм...

4. КОЕ-ЧТО ОБ ЭПИСТОЛЯРИИ. Читаю в «Теленке...» пережитые будто бы слова Хрущева: «Весною 1933 года Шолохов, мол, поднял голос против насилия на Дону...»

Резануло «МОЛ»: мол, придумано. Что на самом деле? Далее некоторые (из множества) и при этом наикраткие извлечения из писем, что были читаны Сталиным.

— 1929-й — от 24-летнего (!) Шолохова с обвинениями репрессивной политики против крестьянства: «Езжу по району, наблюдаю и шибко скорблю душой... Народ зреет, настроение подавленное... После этого и давай-те говорить о союзе с середняками...»

— 1930-й: «ГПУ выдергивает казакских и ссылает пачками. Милостью ее (ГПУ) тишина и благодать». Отмечу: Сталин в этом году заявил: «Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления».

— 1931-й: «Так хозяйствовать нельзя! Колхозники морально подавлены...»

— 1932-й: «Тов. Сталин! Постановление ЦК «О принудительном обобществлении скота» находится в прямом противоречии с планом мясозаготовок... С первых же дней по всем колхозам колхозники стали оказывать решительное сопротивление...»

В том же году, с опережением на год, Сталин — и страна! — читают в «Поднятой целине» о том, что был голодомор. Смел Шолохов: «Нам получены достоверные сведения о том, что ЦК большевиков собирает среди хлебоброшечного населения хлеб якобы для колхозных посевов. На самом деле хлеб пойдет для продажи за границу, а хлебоброшечный, в том числе и колхозники, будут обречены на жестокий голод». Ни в чем не ошибся!

— 1933-й. Жутко читать из-под пера вешнего обвинения жуткому голодомору, трагедия которого приумножена издевательствами местных властей по наказам из Москвы, как он это справедливо расценил: «Т. Сталин! Вешенский район наряду с многими другими районами Северо-Кавказского края... Умирают колхозники и единоличники: взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали... По колхозам свирепствует произвол... ОГПУ специально разыскивало контрреволюционеров для того, чтобы стилизовать ход хлебозаготовок...»

Отмечу: своими обвинениями голодомора вешенский противоставлял утверждениям на весь мир Сталина в том году: «Всем состоят основные результаты наших УСПЕХОВ (выделено мною).

В.О.!? В охвате колхозным строительством и В УНИЧТОЖЕНИИ В СВЯЗИ С ЭТИМ ОБНИЩАНИИ И ПАУПЕРИЗМА В ДЕРЕВНЕ...» (выделено Сталиным — В.О.).

Как Сталин откликнулся на письма из Вешек? Коварно. Сперва поблагодарил за сигнал о «сализме», однако оправдал его усердиями-перегибами во имя заботы о рабочих и о Красной Армии. Но вот дальше обвинил Шолохова в политической близорукости — нельзя защищать «саботажников» и тех, кто «ведет тихую войну» с советской властью. Каково!

Меж тем была дана команда всячески скрывать голод. «Правда», к примеру, дала директиву: «Заявление о голодной смерти миллионов советских граждан является вульгарной клеветой...»

Несмотря на это, эхо голодомора и в одном очерке 1939 года, и в романе «Они сражались за Родину».

5. ШОЛОХОВ И ТРУДЯЩИЕСЯ. Читаю едкое: «Товарищ Шолохов борется за счастье трудящихся». Среди многого возможного в опровержении вспомнилось такое:

— Шолохов задолго до перестроечных всплесков критики, тогда уже ни для кого не опасной, обличал то, что сегодня именуются административно-командной системой. Это вновь в «Целине» — здесь он выписал заминированное слово «шолохов». Оно всплывает в опаснейшем разговоре о власти. Давыдов попрекнул возницу за непоспешание, и наверняка думает, что нашел доходчивый пример: «Ну, а если, скажем, пожар на хуторе случится, ты и с бочкой будешь ехать такими позорными темпами?» В ответ: «На пожар таких, как я, с бочками не посылают». — «А каких же посылают, по-твоему?» — «Таких, как ты да Макара Нагульнов». И пошел уточнять: «Вам с Макаром только воду возить, на лошадей вы весь опор скакать, чтобы мыло с них во все стороны шмыгало летело, а тушить будем мы, колхозники...»

И Шолохов с превеликим обобщением выразил, какая же такая власть необходима народу после непрерывно-нескончаемых пожаров в нашей многострадальной истории, в том числе от шолохово-шолоховских реформ: «Мы, народ то есть, живем пока потихоньку, пока шагом живем, нам и надо без лишней суетности и поспешки дело делать...»

Сутолока... Вспомним, что и у Твардовского в «Стране Муравьев» появится: «Товарищ Ста-

лин! Дай ответ. Чтоб люди зря не спорили. Концы предвидятся аи нет всей этой суеты?»

Еще противовес от меня Вашей иронии против «борца за трудящихся». Из писем Шолохова Сталину в пору политрепрессий 1936 — 1938 годов.

— 1936-й: «По краю начались аресты...»

— 1937-й: «Из уст знакомых колхозников я сам не раз слышал, что живут они в состоянии своеобразной «мобилизационной готовности» всегда имеют запас сухарей, смену чистого белья на случай ареста. Ну, куда же это годится, т. Сталин!»

— 1938-й: «Страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия... Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователей, глумится и в числе прочих очерков в защиту правды написал

жизнь под таким чертовым пресом...»

Я и в этом разделе не буду пререкать Вас, Александр Исаевич. Откуда было знать — и не только Вам — о личном самостержении классика. И власть по понятным причинам замалчивала. И сам он никогда не ставил себе в заслугу сопротивления сталинским: ни в публицистике, ни в речах, ни в беседах даже с близкими.

Но вот — повторюсь — издательство обязано были сообщать Вам о появлении в печати всего того, что я обозначил выше.

История благодарно сохраняет на скрижалях памяти строки заступничества великих писателей за страждущих, за невинных. Толстой поднялся с протестом против смертных приговоров в первую революцию, а в голод открыл столовую. Коренко спас отпавших под неправедный суд потяжков и в числе прочих очерков в защиту правды написал

«В успокоенной деревне» (выделю это о нем Шолохов с укором напоминает Сталину в одном из писем в попытке призвать по-мудро к справедливости: «Худое судило, хорошее золотники»).

Но выражу и то: Шолохов не создал больше, ибо не было ему возможности свободно творить, а эмиграция не для него. Кто-то усомнится — трудно-де поверить: ведь провозглашен верным сыном партии и апологетом социализма при подкреплении неисчислимыми наградами, званиями и почестями! Однако факты упрямы — и о них далее речь. Будем знать и то, что Сталин и все последующие вожди и присные тщательно скрывали свои против Шолохова карательные деяния.

И ЕЩЕ ШЕСТЬ  
ОПРОВЕРЖЕНИЙ  
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Напомним из начала Письма Ваше, Александр Исаевич, обоснование плагиата — мало-де написано, мол, не умел.

Но и это утверждение, належь, к Вашему удовлетворению тоже, не подтверждается:

— отнюдь не мало два много-томных романа, еще роман и том рассказов и публицистики,

— иная глава из «Тихого Дона» одна повесомею многих и былых, и нынешних прославленных сочинений. Как же хорошо настояла мудростью подготовка: «Худое судило, хорошее золотники».

Но выражу и то: Шолохов не создал больше, ибо не было ему возможности свободно творить, а эмиграция не для него. Кто-то усомнится — трудно-де поверить: ведь провозглашен верным сыном партии и апологетом социализма при подкреплении неисчислимыми наградами, званиями и почестями! Однако факты упрямы — и о них далее речь. Будем знать и то, что Сталин и все последующие вожди и присные тщательно скрывали свои против Шолохова карательные деяния.

И ЕЩЕ ШЕСТЬ  
ОПРОВЕРЖЕНИЙ  
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Напомним из начала Письма Ваше, Александр Исаевич, обоснование плагиата — мало-де написано, мол, не умел.

Но и это утверждение, належь, к Вашему удовлетворению тоже, не подтверждается:

— отнюдь не мало два много-томных романа, еще роман и том рассказов и публицистики,

— иная глава из «Тихого Дона» одна повесомею многих и былых, и нынешних прославленных сочинений. Как же хорошо настояла мудростью подготовка: «Худое судило, хорошее золотники».

Но выражу и то: Шолохов не создал больше, ибо не было ему возможности свободно творить, а эмиграция не для него. Кто-то усомнится — трудно-де поверить: ведь провозглашен верным сыном партии и апологетом социализма при подкреплении неисчислимыми наградами, званиями и почестями! Однако факты упрямы — и о них далее речь. Будем знать и то, что Сталин и все последующие вожди и присные тщательно скрывали свои против Шолохова карательные деяния.

И ЕЩЕ ШЕСТЬ  
ОПРОВЕРЖЕНИЙ  
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Напомним из начала Письма Ваше, Александр Исаевич, обоснование плагиата — мало-де написано, мол, не умел.

Но и это утверждение, належь, к Вашему удовлетворению тоже, не подтверждается:

— отнюдь не мало два много-томных романа, еще роман и том рассказов и публицистики,

— иная глава из «Тихого Дона» одна повесомею многих и былых, и нынешних прославленных сочинений. Как же хорошо настояла мудростью подготовка: «Худое судило, хорошее золотники».

Но выражу и то: Шолохов не создал больше, ибо не было ему возможности свободно творить, а эмиграция не для него. Кто-то усомнится — трудно-де поверить: ведь провозглашен верным сыном партии и апологетом социализма при подкреплении неисчислимыми наградами, званиями и почестями! Однако факты упрямы — и о них далее речь. Будем знать и то, что Сталин и все последующие вожди и присные тщательно скрывали свои против Шолохова карательные деяния.

И ЕЩЕ ШЕСТЬ  
ОПРОВЕРЖЕНИЙ  
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Напомним из начала Письма Ваше, Александр Исаевич, обоснование плагиата — мало-де написано, мол, не умел.

Но и это утверждение, належь, к Вашему удовлетворению тоже, не подтверждается:

— отнюдь не мало два много-томных романа, еще роман и том рассказов и публицистики,

— иная глава из «Тихого Дона» одна повесомею многих и былых, и нынешних прославленных сочинений. Как же хорошо настояла мудростью подготовка: «Худое судило, хорошее золотники».

Но выражу и то: Шолохов не создал больше, ибо не было ему возможности свободно творить, а эмиграция не для него. Кто-то усомнится — трудно-де поверить: ведь провозглашен верным сыном партии и апологетом социализма при подкреплении неисчислимыми наградами, званиями и почестями! Однако факты упрямы — и о них далее речь. Будем знать и то, что Сталин и все последующие вожди и присные тщательно скрывали свои против Шолохова карательные деяния.

И ЕЩЕ ШЕСТЬ  
ОПРОВЕРЖЕНИЙ  
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Напомним из начала Письма Ваше, Александр Исаевич, обоснование плагиата — мало-де написано, мол, не умел.

Но и это утверждение, належь, к Вашему удовлетворению тоже, не подтверждается:

— отнюдь не мало два много-томных романа, еще роман и том рассказов и публицистики,

— иная глава из «Тихого Дона» одна повесомею многих и былых, и нынешних прославленных сочинений. Как же хорошо настояла мудростью подготовка: «Худое судило, хорошее золотники».

Но выражу и то: Шолохов не создал больше, ибо не было ему возможности свободно творить, а эмиграция не для него. Кто-то усомнится — трудно-де поверить: ведь провозглашен верным сыном партии и апологетом социализма при подкреплении неисчислимыми наградами, званиями и почестями! Однако факты упрямы — и о них далее речь. Будем знать и то, что Сталин и все последующие вожди и присные тщательно скрывали свои против Шолохова карательные деяния.

И ЕЩЕ ШЕСТЬ  
ОПРОВЕРЖЕНИЙ  
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Напомним из начала Письма Ваше, Александр Исаевич, обоснование плагиата — мало-де написано, мол, не умел.

Но и это утверждение, належь, к Вашему удовлетворению тоже, не подтверждается:

— отнюдь не мало два много-томных романа, еще роман и том рассказов и публицистики,

— иная глава из «Тихого Дона» одна повесомею многих и былых, и нынешних прославленных сочинений. Как же хорошо настояла мудростью подготовка: «Худое судило, хорошее золотники».

Но выражу и то: Шолохов не создал больше, ибо не было ему возможности свободно творить, а эмиграция не для него. Кто-то усомнится — трудно-де поверить: ведь провозглашен верным сыном партии и апологетом социализма при подкреплении неисчислимыми наградами, званиями и почестями! Однако факты упрямы — и о них далее речь. Будем знать и то, что Сталин и все последующие вожди и присные тщательно скрывали свои против Шолохова карательные деяния.

ная подозрительность, которая оборачивалась то прямыми запретами, то такой травлей или «советами», которыми хотели сломить независимость пера и настроения. Напомню кое-что.

— Начало творчества. Из дневника Дм. Фурманова (1923): «Слабый рассказ Минаева был принят из целей тактических... Хороший рассказ Шолохова из Гражданской войны был отвергнут («нам этот материал надоел»), из статьи апостола рапповской критики В. Ермилова (1927): «Отклонение от стили пролетарской литературы...» из постановления партфракции в РАППе (1929): «Идеализация кулачества и белогвардейщины». И еще, еще, еще. Шолохов свидетелем самого писателя: «Столько у меня развелось «доброжелателей», что не продохнешь».

— К середине десятилетия. Журнал «Знания» дал оценку и новой книге «Дона», и «Целине»: «Объективизм... Как бы всматривается в борющиеся стороны, примеряет свое отношение к ним. Стали в непримиримой борьбе друг против друга две системы, два мира, а Шолохов как бы хочет взвесить на весах гуманизма — какая из них больше крови в борьбе пролила, на чьей стороне больше жертв, на чьей больше жестокости». Дополню строками из письма Шолохова Фадееву: «Только ты за перо, а нечистый тут как тут: «А ты не белый офицер? А ты не белая палата романиш? А кулаку помогаешь? А в правый уклон вернешь?»

— К концу 30-х, в ореоле уже всемирной славы. Из письма Сталину генсека Союза писателей Ставского: «Мне пришлось прочитать 300 страниц на машинке рукописи IV книги «Тихого Дона». Удручающее впечатление производит картина разрушения хутора Татарского, смерть Дарьи и Натальи Мелеховых, общий тон разрушения и какой-то безнадёжности, лежащей на всех трех страницах: в этом мрачном тоне теряется и вспыхивающий патриотизм (против англичан) и гнев против генералов у Григория Мелеховых. Дополнения из письма Шолохова Сталину о том, как допрашивали одного из вешенцев: «Провоцировали. Следователи Маркович кричали: «Почему не говоришь о Шолохове? Он же, бякина, сидит у нас! И сидит крепко! Контрольный рецензент писателя, а ты его покрываешь?!» Бил...»

— По окончании «Тихого Дона». Из высказываний вояжа Союза писателей А.Фадеева: «Все мы обижены концом произведения в самых лучших советских журналах... Не показана победа сталинского дела...»

И всю последующую жизнь кровавили Шолохову тонкую писательскую душу.

— При Хрущеве, к примеру, речи Шолохова признали политически вредными. Из Записки ЦК (в одноименном о речи публициста Овечкина): «Необоснованно дали отрицательную оценку современной советской литературе... Односторонний характер...»

Из проработок на совещании в ЦК: «Нанесла существенный вред... Критиковал советскую литературу... Тезис, который в течение двадцати лет мотается на страницах самой реакционной печати...» Еще удар — «идеологической уступкой» признано в ЦК его Открытое письмо к деятелям культуры мира с призывом Круглого стола без различий во взглядах.

— Брежнев, к примеру, поощрил политуполномочия в «Они сражались за Родину», чтобы искоренить антисталинскую линию.

Завершу — 1984-й, февраль: пока все у мыли, а в доме двое неожиданных неизвестных вели тайный просмотр архива.

2. Власть — точнее: ее страшные деяния — мешала творить. Вот несколько свидетельств Шолохова:

— 1933-й, в письме Сталину о голодоморе: «Письмо к Вам единственное, что написал с ноября пр. года. Для творческой работы последние полтора года вычеркнуты».

— 1937-й, ему же в письме о репрессиях: «За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вешенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело».

3. Продолжу: не равно им написанное напечатанному. Несколько лет, к примеру, ушло заново писать 2-ю книгу «Целины», ибо пропала при бомбежке Вешенской. Есть предположение, что бросил полную рукопись «Они сражались за Родину» в огонь — в протесте против запрета Брежневом антисталинских сочинений. Сжег негодный властью очерк о целине времен Хрущева. Неизвестна судьба «Охотничьих рассказов», о которых рассказала до войны «Комсомольская правда». Работал над киносценариями. А значительный эпистолярный...

4. Напомню и о том, как власть обречала творца отлетаться от творчества. Пытается спасти все три своих романа от запретов и политуполн, отлетает драгоценное время восстановления искорененного при Сталине «Тихого Дона», был запрет на посещение архива...

5. Власть не пресекала издательского отношения к творцу. Вот он пишет в 1930-м: «У меня убийственное настроение... Я серьезно боюсь за свою дальнейшую литературную участь. Если во время опубликования «Тих. Дона» против меня сумели создать три крупные дела: «тарашка», «ку-

лацкий защитник». Голоушев (это он об политобвинениях и об обвинениях в плагиате. — В.О.) и все время вокруг моего имени плелись грязные и гнусные слухи, то у меня возникает законное опасение: «а что же дальше? Ну, черт с ними! А я все же допишу...»

И Вы, Александр Исаевич, бедолаги своими обвинениями в плагиате. И разве власть — партийная и писательская — заступилась? ЦК предостерег члена ЦК!

6. И последнее, чтобы не прекращать в творческой несостоятельности, а вызывать к сочувствию. Как забыть о военной контузии с последствием на несколько лет, а затем в оловянный к преклонным годам пришли изуродующие диабет и инсульт, потом рак.

Итак, писал Шолохов и много, и плодотворно, и, как известно, очень быстро, да вот, как теперь Вы, Александр Исаевич, узнали, все вокруг не способствовало спокойствию душевному и творческим страстям.

Подумал даже о таком. Кому, как не Вам, многоперестрадавшему творцу, воздать должное Михаилу Шолохову за деяния, значимость которых преувеличить трудно...

— утверждение им право Мелеховых и Акинфия на свой собственный поиск своей Истины и Правды...

— выраженное в соучастии народу неприятие непрекращающихся злодеяний и от царя, и от красных, и от белых, и от зеленых, и всех экспериментов власти, когда становились пагубными...

— воодушевление страны на патристическую защиту против все изничтожающего катка фашизма.

Не ведь можно продолжать и прокладывать перечисление.

КОЕ-ЧТО В ИТОГ